

УДК 821.111

В. Х. Гильманов, А. С. Косинская

**АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ДЖОНА БЕНЬЯНА
В РОМАНЕ К. С. ЛЬЮИСА
«КРУЖНОЙ ПУТЬ, ИЛИ БЛУЖДЕНИЯ ПАЛОМНИКА»**

43

К. С. Льюис в форме аллегорического романа-путешествия рассказывает о странствиях человеческой души в поисках Бога. Обращение к средневековой форме романа-аллегии позволяет автору говорить «просто о сложном», рассматривая характерные для человека XX в. мировоззренческие установки с точки зрения христоцентричной аксиологической системы Средневековья. Роман К. С. Льюиса рассматривается как сложный интертекст, не только находящийся в отношении палимпсеста к роману Джона Беньяна «Путь Паломника», но и вступающий с ним в литературный диалог. Выявляется ряд претекстов интертекстуального романа К. С. Льюиса. Анализируются взаимоотношения текстов К. С. Льюиса и Дж. Беньяна, обусловленные мировоззренческими различиями авторов.

*In his allegorical travel novel, Clive Staples Lewis tells the story of a human soul wandering in search for god. The medieval form of the allegorical novel helps the author to speak plainly about complex things; he explores the cultural attitudes of a 20th-century person from the perspective of the Christ-centric axiological system of the Middle Ages. This article considers Lewis's novel as a complicated intertext, which both serves as a palimpsest of John Bunyan's *The Pilgrim's Progress* and enters into dialogue with it. The study identifies the pre-texts of Lewis's intertextual novel. The interrelation between Lewis's and Bunyan's texts, which is shaped by differences between the cultural and religious attitudes of the two authors, is analysed.*

Ключевые слова: К. С. Льюис, интертекстуальность, аллегория, палимпсест, Дж. Беньян, разум, романтика, христианство.

Keywords: C.S. Lewis, intertextuality, allegory, palimpsest, John Bunyan, reason, romanticism, Christianity.

В 1933 г. (уже начав работу над исследованием «Аллегория любви» — историей аллегорического метода в западноевропейской литературной традиции) К. С. Льюис написал аллегорическое сочинение «Кружной путь, или Блуждания паломника». То есть автор как ученый работал с формой аллегии и одновременно разрабатывал ее в своем художественном творчестве. Изначально К. С. Льюис назвал свое произведение «*The Pilgrim's Regress. An Allegorical Apology for Christianity, Reason and Romanticism*» («Кружной путь. Аллегорическая апология христианства, разума и романтики»). Однако накануне выхода книги в

1933 г. писатель сократил название до «The Pilgrim's Regress. An Allegorical Apology». И при следующем издании — «The Pilgrim's Regress». С этим названием текст издается и по сей день. Изначальное название романа обозначило те ценности, которые автор защищает (как апологет): христианство, разум и возвышенно-романтическое отношение к действительности.

«Кружной путь, или Блуждания паломника» прочитывается как первый очерк духовной автобиографии автора, осознанно принявшего христианство. Роман написан в форме аллегории, более того — первый художественный текст К. С. Льюиса является диалогом с «Путем Паломника» Джона Беньяна и одновременно современным переосмыслением беньяновской аллегории. «Это характерный пример, — замечает Николай Эшле, — Льюис сразу начинает взаимодействовать с материалом, с которым он работает профессионально как ученый, и каким-то образом его изменять, наполнять собственным актуальным содержанием» [10]. Весьма вероятно, что цель написания текста — апология христианства — определила выбор жанра аллегории и, как результат, палимпсестный характер романа.

В работе А. Э. Скворцова «Игра в современной русской поэзии» термин «палимпсест» трактуется следующим образом: «Текст, написанный “поверх” старого, хорошо известного, классического с новой интерпретацией тематики и проблематики оригинала, с нередким сохранением многих тропов, приемов, размера и т. д. — вообще структуры первоисточника» [8, с. 136]. Превращение слова «палимпсест» в литературоведческий термин состоялось в работе «Палимпсесты, или литература во второй степени». Этот труд принадлежит Жерару Женетту — крупнейшему французскому специалисту по современной теории литературы, автору работ по структурной поэтике [4].

Текст романа К. С. Льюиса «Кружной путь, или Блуждания паломника» можно считать палимпсестом (по определению А. Э. Скворцова) в отношении к тексту Джона Беньяна «Путь Паломника», так как Льюис сохраняет жанр, стиль, размер и основные приемы аллегорического текста Беньяна, предлагая при этом новую интерпретацию тематики и проблематики аллегории странствия души в поисках Бога. «Великие истины нужно излагать по-новому в каждом столетии» [6, с. 148], — считал К. С. Льюис.

Второй ценностью, которую защищает 34-летний автор «Кружного пути», является разум. В произведении его олицетворяет герой в рыцарском облике, побеждающий Великана — Духа времени. Такой образ разума роднит аллерию К. С. Льюиса с рыцарским романом. Способ победы над Великаном (загадывание 3 загадок) придает «Кружному пути» сходство с волшебной сказкой [3, с. 337].

Третья ценность, на защиту которой встает автор рассматриваемой аллегории, — это Romanticism, под которым, очевидно, подразумевается не литературно-художественное направление конца XVIII — начала XIX в. и его идеи, но романтика, понимаемая К. С. Льюисом как любовь к атрибутам земного бытия, приносящим человеку радость. Любовь к

тем «малым вещам», которых не знают ангелы. Это порой сентиментальное чувство рассматривается автором как одно из отражений Божественной Любви к человеку, и потому оно достойно апологетики (защиты).

В своем первом научном труде «Аллегория любви», посвященном жанру аллегории в средневековой литературе, К. С. Льюис рассматривает аллессию не столько как художественный прием, украшающий текст, но прежде всего как метод осмысления действительности [7, с. 67–68] (который и помогает писателю осмыслить основные идеи и характерные заблуждения XX в. в романе «Кружной путь, или Блуждания паломника»).

«Кружной путь» — это книга новообращенного, который искал свою дорогу к Богу и, пройдя сложнейшие испытания, испытав лишения и разочарования, пришел к вере. В романе есть элементы и мифа, и волшебной сказки, а также множество библейских аллюзий, аллюзии на рыцарский роман, философские размышления, образы реальных исторических лиц. Выбор жанра аллегории обусловлен желанием автора говорить просто на сложную тему поисков Бога. Через 20 лет после написания романа «Кружной путь» К. С. Льюис в одном из своих писем признается: «Это была моя первая религиозная книга, и тогда я не знал, как написать просто о сложном» [11, р. 16].

Жанр книги «Кружной путь, или Блуждания паломника» — это роман-странствие, роман-аллегория. Название «The Pilgrim's Regress» — с одной стороны, очевидная аллюзия на текст Джона Беньяна «The Pilgrim's Progress», с другой стороны — противопоставление беньяновскому названию. Если слово progress означает «прогресс, развитие, движение вперед, успех, достижение», то regress — «движение назад, обратное, попятное движение, упадок, возвращение к прошлому». Этим семантическим противопоставлением, на наш взгляд, обусловлен переводческий выбор Н. Л. Трауберг — «Кружной путь», «блуждания паломника».

Подобно автору «Пути Паломника», герой «Кружного пути» носит имя Джон. Неслучайно и то, что родина Джона названа Пуританией. Беньян принадлежал к пуританской Бедфордской общине. Следует отметить, во-первых, значительное влияние, которое оказало пуританство на развитие религиозной и философской мысли в Англии XVII столетия. Во-вторых, влияние, которое оказало учение Кальвина на мировоззрение английских пуритан. Важнейшую роль в вероучении пуритан играла обоснованная Джоном Кальвином доктрина предопределения, согласно которой душа и вся природа человека полностью повреждены грехом. В связи с этим спасение, единение с Богом и райское блаженство возможны лишь для немногих избранных людей, «которых Бог "предузнал" еще до их рождения» [2, с. 9]. Все остальные, согласно этому учению, обречены на вечные муки. Отсюда предзнаменования, о которых сообщает своей семье главный герой «Пути Паломника»: «Я имею точные сведения, что наш город будет сожжен огнем с неба и в этом ужасном огне как мы с тобой, моя дорогая жена, так и вы,

мои милые детки, погибнем безвозвратно» [1, с. 35]. Так в аллегорической форме автор-проповедник сообщает важную тревожную часть своего вероучения. Согласно вере пуритан (так же как и кальвинистов) единственным знаком избранничества является чистая совесть верующего, которую можно обнаружить, заглянув в свое сердце у подножия Креста (после тщательного чтения Библии в специфической интерпретации этого текста). Именно поэтому Христианин, герой Беньяна, избавляется от бремени у подножия Креста, после чего получает печать избранничества. Убежать адского огня в числе избранных — основная цель пути героя Джона Беньяна. Иную цель имеет герой К. С. Льюиса. Джон уходит из родной страны Пуритании на поиски чудесного острова, созерцание которого дарит ему радость и чувство полноты бытия. Остров этот, видения которого с детства открывались герою, олицетворяет духовную *радость*, — одну из ключевых тем творчества К. С. Льюиса. Для всех его художественных текстов характерно повышенное внимание к этой теме и особое понимание феномена радости. Это предчувствие, опыт трансцендентного, тоска по Богу — объясняет Льюис в своей духовной автобиографии «Настигнут Радостью». Она же способна выступать критерием истины [5, с. 81].

К. С. Льюис рассказывает о странствиях Джона, описывая двадцать одно его сновидение. В этом писатель следует традициям средневековой литературы, которую преподавал в Оксфорде и Кембридже, блестяще знал и любил. Каждый сон освещает тот или иной фрагмент «биографии» Джона — от детства до завершения земной жизни. Еще ребенком от родителей и управителя (аллегория священнослужителя) он получил определенную систему представлений о мире: узнал о существовании Хозяина, позволяющего людям жить в Пуритании, о списке правил и запретов, о «страшной черной яме, кишашей змеями» [6, с. 12], куда Хозяин бросит провинившихся. Когда Джон вырос, мысли о правилах, невозможности их исполнить до конца и змеиной яме не давали ему покоя. Вскоре Джон выяснил, что эти правила имеют как «лицевую, так и обратную сторону» [6, с. 14]. Таким образом, герой К. С. Льюиса, не нашедший радости в исполнении правил, отправляется на поиски духовной радости. Лишь встретив Мудреца, он узнает, что на самом деле всю жизнь искал богообщения, а радость как таковая была «побочным продуктом» опыта постижения трансцендентного. Герой же Беньяна ищет избавления от невыносимого бремени (аллегория греха) и спасения от вечных мук.

Различна и структура пути двух героев. Линейному (при всей извилистости) пути Христианина можно противопоставить круговой путь Джона, обошедшего вокруг Земли и вернувшегося в Пуританию к тому же ручью (аллегория конца жизненного пути), через который перешел дядя главного героя в начале повествования. Таким образом, для льюисовского текста характерна кольцевая композиция и движение героя по спирали времени и пространства, в каждом новом витке которой можно увидеть события определенных фрагментов предыдущих витков истории культуры (оглядки на «Путь Паломника», тексты Данте, У. Ленг-

ленда, Дж. Макдональда). Так, например, образ Матушки (аллегория англиканской церкви) в романе «Кружной путь» перекликается с образом Прапрабабушки Ирен в аллегорической сказке Джорджа Макдональда «Принцесса и Курд». Оба женских персонажа олицетворяют духовную традицию, передаваемую герою, и, более того, в итоге выступают его спасительницами. В тексте Льюиса Матушка говорит притчами, делится с героями духовной премудростью и предлагает перенести их через Ущелье (аллегория пропасти, разделяющей душу и Бога). Иносказаниями и притчами говорит и Прапрабабушка принцессы у Макдональда. Она наделяет Курда особыми духовными дарами: даром аксиологической интроспекции (видения своей жизни, своих мыслей и поступков с точки зрения христианских ценностей) и другим редким даром — видеть людей насквозь через прикосновение к их рукам. (Это позволит рудокопу спасти короля его страны от окруживших его лжецов, казнокрадов и предателей.) Обе героини — носительницы и олицетворение традиционных христианских ценностей, спасающих человека от гибели.

В этой связи интересно отметить еще одно концептуальное отличие льюисовского текста от текста Джона Беньяна. Герои Льюиса, отказавшиеся от помощи Матушки и даже не нашедшие времени, чтобы послушать ее притчи, сами не смогли перебраться через Ущелье. Христианин, герой Беньяна, попадет в Прекрасный Дворец, символизирующий церковь, только после того, как избавится от бремени греха («В Бедфордской общине не было места для нераскаявшихся грешников» [2, с. 16]). Интересно, что, по наблюдению исследователей, правила поведения в Прекрасном Дворце соответствуют правилам, которые Беньян сам составил для своих прихожан [12, р. 251]. При этом важно местоположение Дворца — не на пути к Восхитительным горам, но у дороги, по которой следует Христианин. В этом отразилось убеждение Беньяна, что «Церковь важна для духовного роста человека, но спастись можно и без нее» [2, с. 16]. Поэтому Верный, один из спутников героя, который примет венец мученика, в этом Дворце никогда не был.

На протяжении всей книги заметно повышенное внимание Джона Беньяна к тексту Библии. Ее цитаты и аллюзии нетрудно найти практически на каждой странице «Пути Паломника». Значительно умереннее (но всегда в сильной позиции текста) цитирует Библию К. С. Льюис. Характерными можно считать цитаты или чаще — аллюзии на Библию, завершающие, например, главы 2 десятой книги, 5 восьмой книги и др. в «Кружном пути». Рассказ Матушки о Грехопадении помогает Джону и Виртусу лучше разобраться в происходящих с ними событиях, вникнуть в смысл вечной борьбы добра и зла на Земле. Мистер Мудр объясняет странникам смысл евангельских притч Иисуса Христа о смирении, терпении, любви, рассказывает о приходе Сына Человеческого на Землю, Его крестных страданиях, смерти и воскресении, повторяя слова Матушки об арендаторе — Хозяйском Сыне (еще одна аллюзия на евангельские события). Льюис пишет: «Согласно этой Легенде, Сын Хозяина стал арендатором лишь для того, чтобы Его здесь уби-

ли» [6, с. 169]. Л. Н. Ефимова и Н. А. Шехирева сопоставляют эти слова с мыслью из «Вечного Человека» Г. К. Честертона: «Он (Христос) пришел в мир, чтобы умереть» [9, с. 498]. Исследователи полагают, что «оба писателя через аллегорию, иносказание, а иногда открытым текстом пытаются донести до современного читателя важную для них мысль: Сын Божий отдает Свою Жизнь, чтобы искупить грехи земного человечества, открыть ему путь в вечность» [3, с. 340].

Пространство пути в двух аллегорических текстах многозначительно. Герой Джона Беньяна проходит через Грясину Уныния, Долину Унижения, Гору Наживы, Крепость Сомнения, Прекрасный Дворец, Долину Тени Смертной и Ярмарку Суеты. Герой К. С. Льюиса проходит через Божий Дол, Гнуснополь, Ущелье, город Шумигам, крайний Север, гору Духа Времени, Юдоль Унижения и т. д. Следует отметить, что хронотоп как в тексте Беньяна, так и в тексте Льюиса существенно антропоцентричен, то есть служит для раскрытия личности персонажа. Поскольку речь идет об аллегорическом тексте, то каждое новое место на пути героев символизирует определенное состояние души или этап в жизни личности.

Когда Джон отправляется на поиски чудесного острова, «ясно, что ему не избежать соблазнов — такова человеческая жизнь и воспитание души» [6, с. 338]. Испытания и соблазны встречаются герою, когда он попадает в Гнуснополь, в виде аллегорических персонажей, олицетворяющих заблуждения, характерные для человека XX столетия. Автор не описывает эту страну — достаточно ее «говорящего» названия. Здесь обитают: Мистер Умм, Лорд Блазн и его сын Болт, певичка Глагли и Великан, которому все подчиняются. «Становится ясно, что это гиблое место иначе как Гнуснополь не назовешь» [6, с. 338]. При этом каждый гнуснополец — носитель определенных убеждений, которые он пытается преподать Джону. Мистер Умм убеждает Джона, что Хозяина не существует и подчиняться некому. Управители Пуритании якобы выдумали Его, чтобы держать народ в узде. Если Мистер Умм — очевидный представитель атеистических взглядов, то Лорд Блазн — оккультист, убеждающий Джона в том, что остров существует не иначе как в душе человека, так же как и Хозяин мира. Л. Н. Ефимова и Н. А. Шехирева видят в образе Блазна «аллюзию на новомодное в 10–30-е гг. XX столетия теософское учение, отрицавшее в Иисусе Христе две природы: божественную и человеческую, считавшее, что Он только пророк, принесший новое учение, а не Богочеловек» [6, с. 339]. (В духовной автобиографии «Настигнут Радостью» (1955) К. С. Льюис описал свой юношеский опыт столкновения с теософией.) В итоге, как только Джон решил сбежать из Гнуснополя, Сигизмунд Умм (сын Мистера Умма) бросил его в темницу, кишашую змеями. Все, что герой увидел там, было настолько чудовищно, что он отчаялся: «Это черная яма! Хозяина нет, а яма есть» [6, с. 66]. Здесь очевидна аллюзия на библейский образ геенны огненной, где «плач и скрежет зубов». В контексте аллегории-сновидения читателя едва ли смутит тот факт, что сначала Сигизмунд мирно беседует с Джоном, потом внезапно и без видимой

причины бросает его в темницу, — для снов вообще характерна нелогичность, налет абсурда. Мысли, высказанные Сигизмундом Уммом, являются аллюзией на учение Зигмунда Фрейда, ставшее чрезвычайно популярным к 1930-м гг. Об этом говорит не только имя героя, совпадающее с именем известного исторического персонажа, но и сходство беседы Сигизмунда и Джона с сеансом психоанализа. «Бывало ли так, чтобы мысли об острове не заканчивались темнолицыми девушками? (аллегория сексуального влечения. — В. Г., А. К.) — Нет, не бывало. Но я не о них мечтал! — О них. Стремилась вы именно к ним, но хотели почувствовать себя хорошим. Отсюда и остров... Островом Вы прикрывали свою похоть от самого себя» [6, с. 64]. Характерно, что психоаналитик Сигизмунд Умм — сын атеистически настроенного Умма старшего.

Интересен также образ Великана — Духа Времени. «Когда великан смотрел на что-нибудь, оно становилось прозрачным» [6, с. 66]. Здесь мы сталкиваемся с аллюзией на изменения в сознании человека XX в., вызванные научно-техническим прогрессом. В частности, обыгрывается изобретение рентгена — недаром глава, рассказывающая о пребывании героя в темнице, называется «Голые факты». «Джон увидел не людей, а истинных чудовищ. Перед ним сидела женщина, но видел он череп, мозг, носоглотку, слюну в горле, кровь в жилах, легкие, подобные живым губкам, и печень, и змеиное гнездо кишок» [6, с. 66]. В темнице льюисовский герой проведет много мучительных дней, страдая от наручников, холода и вони, испытывая глубокие душевные страдания. Именно это место осознается Джоном как черная яма. Л. Н. Ефимова и Н. А. Шехирева отмечают, что с точки зрения композиции романа пребывание героя в темнице-яме становится «кульминацией страданий героя... Как известно из Священного Писания, Бог никогда не оставляет человека в беде, один на один со злом, если в человеке есть хоть капля доверия к Богу: ведь он пришел на Землю, чтобы “спасти и изыскать погибшее”. Принятие этой идеи характерно для взглядов Льюиса» [3, с. 340].

В этот момент в романе появляется новый герой, бросающий вызов злу. В Гнуснополь на коне въезжает незнакомец с мечом в руках, лик его излучает свет. Его имя — Разум, он послан Джону, чтобы вызволить его из-под власти Великана. Разум напоминает героя рыцарского романа, который славится храбростью, отвагой, умом и благородством. «Льюис включает в повествование элемент сказки, где обязательно присутствуют загадки» [3, с. 341]. Происходит непременно в таких случаях поединок. Разум задает Великану три загадки, которые тот должен отгадать, иначе погибнет; Великан не в состоянии разгадать ни одну из них, и Разум пронзает его мечом. Данный эпизод в аллегорической форме повествует о разрушительной силе заблуждений, навязываемых Духом Времени. Эти заблуждения разрушают радость, заключая душу человека в «темницу уныния». Согласно льюисовскому тексту, победить Дух Времени способен разум, если правильно поставит вопрос. Рыцарь спрашивает Великана: «Какого цвета дерево во тьме, рыба в

море, кишки в утробе?» и «Как отличить копию от подлинника?» [6, с. 71]. Имеется в виду, что внутренности человека вовсе не составляют его внутреннюю суть, это заблуждение побеждается мыслью о том, что вещи в темноте цвета не имеют. Таким образом, Великан обманывал Джона, показывая то, чего нет; то, что было бы, если бы мир был устроен иначе. «На самом деле наших внутренностей не видно. Они не цветные объемные предметы, они — ощущения. “На самом деле” сейчас — приятная сытость, тепло, да многое, только не эти трубки и губки!» [6, с. 81]. Второй вопрос — о подлиннике и копии — решается: «Если две вещи похожи, надо спросить, одна ли копия второй, вторая ли копия первой, или обе они копии третьей» [6, с. 77]. Речь здесь идет о тоске по острову, религиозном чувстве и похоти. Является ли тоска по радости Богообщения копией (сублимацией) сексуального влечения, как утверждают сторонники теории Фрейда, или, что не вполне логично, наоборот? «Многие считают, что всякая тяга — копия нашей любви к Хозяину» [6, с.78] — такой ответ — аллюзию на Средневековую модель Человека и Вселенной [7] — даст в итоге Рыцарь-Разум.

Заканчивается «Кружной путь» тремя песнями (герои романа, когда их переполняют чувства, поют): Виртуса, Джона и Ангела [6]. Три героя, как мы помним, стоят у ручья (символизирующего последнюю черту, конец жизни). При этом Виртус (воплощенная «добродетель», друг и попутчик Джона, прототипом которого стал Артур Гривс, друг К.С. Льюиса) поет о печали и тоске по тому и тем, что и кого он любил на Земле:

Все умирает. Времени поток
Сюда, на землю, больше не вернет
Того, что было и ушло. Ничем
Не вызвать, не вернуть, не удержать
Того, что я любил и потерял.

Виртус обращается к Богу с тревожащими его философскими вопросами:

Ответь же на мучительный вопрос:
Где Гамлет, если занавес упал?
Где краски, если выключили свет?
Где сны, когда проснулся человек?
Наверное, они ушли к Тебе.

Герой уповает на Бога, надеясь обрести в Нем полноту Любви:

...И только от Тебя
Мы можем возвращенья ожидать
Потерянной, утраченной любви,
Которую мы знали на земле.

За песней Виртуса следует песня Джона, говорящая о том, что наша любовь к милым сердцу мелочам жизни — образ и подобие Божьей любви к человеку.

...Ты меня связал
Любовью к дому, детству и семье,
К неповторимым, маленьким вещам,
Которые я в памяти храню.
Ведь человек — подобие Твое,
А ты — Любовь. И мы должны любить
Заботливо и бережно, как Ты,
Страдая, радуясь, благодаря.

Третья песня «похожа на пение птиц», поет ее Ангел. Это своеобразный гимн тем неотъемлемым сторонам жизни человека, которых нет в опыте бестелесных ангелов.

51

От Бога наша власть,
Но ангелы не знают,
Как угасает страсть
И юность умирает.
Не понимаем мы
Любви к родному краю,
И радостей зимы
Мы, ангелы, не знаем —
Мороза, очага,
Уюта, умиления,
Прощенного врага,
Решенного сомненья.

Завершение романа — сильнейшая структурная позиция в тексте. Книга К. С. Льюиса заканчивается воспеванием любви как таковой и простых радостей земного бытия, в то время как текст-предшественник (роман Джона Беньяна) завершался воспеванием торжества спасения Души. Отметим, что посмертная участь души в «Кружном пути» не описывается. Автора больше интересует, какой след в конечном счете оставит человек в мире, а также те ценности, которые характерны для земной жизни, но имеют, согласно Льюису, непреходящую ценность.

Список литературы

1. Беньян Дж. Путь Паломника: аллегорический роман. СПб., 2015.
2. Горбунов А. Н. Путь сквозь тесные врата // Беньян Дж. Путь Паломника: аллегорический роман. СПб., 2015. С. 3–16.
3. Ефимова Л. Н., Шехирева Н. А. Странствие души в аллегории К. С. Льюиса «Кружной путь, или Блуждания паломника» // Ярославский педагогический вестник. 2017. №4. С. 337–341.
4. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М., 1989.
5. Косинская А. С. Концепт «радость» в автобиографии К. С. Льюиса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. №2. С. 76–82.
6. Льюис К. С. Кружной путь, или Блуждания паломника. М.; СПб., 2011.
7. Льюис К. С. Избранные работы по истории культуры. М., 2016.
8. Скворцов А. Э. Игра в современной русской поэзии. Казань, 2005.
9. Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1991.

10. *Эппе Н.* Неизвестный Льюис // Правмир : [сайт]. URL: <https://www.pravmir.ru/neizvestnyiy-lyuis-1/> (дата обращения: 07.12.2019).

11. *Duriez C.* C.S. Lewis Handbook: A Comprehensive Guide to His Life, Thought and Writings. Grand Rapids, 1990.

12. *Bunyan J.* The Pilgrim's Progress // Critical and Historical Views / ed. by V. Newey. Liverpool, 1988. P. 186–240.

13. *Lewis C. S.* The Pilgrim's Regress. Eerdmans Publishing Company, 2014.

Об авторах

Владимир Хамитович Гильманов – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Александра Сергеевна Косинская – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

The Authors

Prof. Vladimir Kh. Gilmanov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Alexandra S. Kosinskaya, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru